

МИЛОШ ЗЕЛЕНКА

**МАТИЯ МУРКО И ЯН ЯКУБЕЦ В ДИСКУССИИ
О ЧЕШСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ВОЗРОЖДЕНИИ
(Позитивистский концепт истории литературы
в корреспонденции двух славянских филологов)**

Abstract

Matija Murko and Jan Jakubec in the debate on Czech National Revival (a positivist concept of literary history as reflected in the correspondence between two Slavonic philologists)

The works of Matija Murko (1861–1952), the Slovenian Slavonic scholar, and Jan Jakubec (1862–1936), the Czech literary historian, grew in the late 19th century from a strong positivist platform, based on the methodical development of national philologies and employing a comparative approach to literary history. The voluminous correspondence maintained by both scholars between 1894–1918 and archived in the National University Library (NUK), Ljubljana – comprising, in total, 75 bibliographical units addressed by Jakubec to Murko – documents frequent contacts, which, apart from exchanging letters, were also reflected in repeated visits. A fleeting glance at their bibliography reveals that over thirty years they followed each other's scholarly development, positively reviewing their works and morally supporting each other's efforts to settle in university.

Key words

M. Murko ■ J. Jakubec ■ Czech National Revival ■ literary history ■ Slavonic philology ■ scholarly correspondence

Абстракт

Труды словенского слависта Матии Мурко (1861–1952) и чешского историка литературы Яна Якубеца (1862–1936) в конце XIX-ого века базировались на сильной позитивистской платформе, на методическом развитии национальных филологий и применении компаративного подхода к истории литературы. Обширная корреспонденция двух исследователей в 1894–1918 гг., которая хранится в Национальной университетской библиотеке в Любляне (NUK), – всего 75 библиографических единиц, т.е. писем, почтовых карточек и открыток, отправленных Якубецом Мурко, – документально подтверждает активные связи, которые, кроме корреспонденции, отразились и в многочисленных личных визитах. Беглый просмотр библиографии обоих исследователей демонстрирует, что более тридцати лет они наблюдали за научным ростом друг друга, писали позитивные рецензии и морально поддерживали друг друга, пытаясь попасть в университеты.

Ключевые слова

M. Мурко ■ Я. Якубец ■ чешское национальное возрождение ■ история литературы ■ славянская филология ■ научная корреспонденция

Труды словенского слависта Матии Мурко (1861–1952) и чешского историка литературы Яна Якубеца (1862–1936) в конце XIX-ого века базировались на сильной позитивистской платформе, на методическом развитии национальных филологий и применении компаративного подхода к истории литературы. Оба исследователя принадлежали к поколению филологов-славистов, представители которого были близки по возрасту и идеям, которые исходили из развившегося эмпирического позитивизма в историографии и естественного процесса профессиональной специализации и которые особый акцент делали на критическом анализе фактов и их «беспристрастном» изложении¹. Одновременно они исходили из критики романтизирующей националистической идеологии, тем самым опровергая иллюзии об исключительности домашнего, а также славянского развития, которое они включали в более широкие – чаще всего западноевропейские – взаимосвязи. В чешском контексте наибольшей известности достигли историк Ярослав Голл (Jaroslav Goll) и лингвист Ян Гебауэр (Jan Gebauer), которым разделение Карлова университета в 1882 году на немецкую и чешскую части позволило, вместе с новыми методическими подходами, вместе со своими учениками концептуально и организационно конституировать современную чешскую науку, как это, например, показали и так называемые «споры о рукописях». В 80-ые и 90-ые годы XIX века программно подчёркивалась необходимость снова подвергнуть собранный материал исчерпывающей эвристике и посредством отдельных заключений и наблюдений приступить к синтезирующему исследованию, прежде всего, ключевого периода чешской истории, т.е. национального возрождения, в виде монографических портретов и исторических набросков. История литературы в концепции позитивистов должна была воздерживаться от метафизических спекуляций: эволюционное понимание литературного процесса тогда объединяла мысль о прогрессе, управляемом рациональным познанием, а также о возможности периодизировать и схематизировать исторические события и факты в крупные циклы как объективно «проверяемые» единицы.

В атмосфере Габсбургской монархии основным центром современной филологии стал славянский семинар Ягича в Венском университете, где с 1886 года проходил практику молодой Мурко, который здесь же в 1887 году защитил доцентскую работу по спе-

---

¹ Vojtěch, T.: *Česká historiografie a pozitivismus*, Praha 1984, стр. 16.

циальности Славянская филология с особым акцентом на историю славянских литератур.

Схожим способом Якубец, будучи учеником Гебауэра и Масарика, поддерживал исследования новейшей литературы как самостоятельной научной дисциплины; умение создать подробнейшую филологическую акрибию и фактографическую связность дополнялись способностью монографического сокращения, детальными анализами, опирающимися на родственность тем и мотивов, а в социологическом плане – опирающимися на экономическую и культурно-политическую картину эпохи². Как сторонник школы Шерера, с которой он ознакомился во время своей стажировки в Берлине в 1891 году, он отдавал предпочтение биографическому методу и редакторской работе, при которой предложил принципы обработки текстов для издания произведений новочешских классиков³. Опыт стажировки в славистическом семинаре Ягича в Вене в 1898 году – стажировка состоялась по рекомендации Мурко – углубил его интерес к фольклору, этнографии и народоведению, который уже в начале 90-ых годов XIX века, так же как и у Мурко, вёл его к литературно-историческим исследованиям.

В нач. 90-ых гг. чешский славист Иржи Поливка, сторонник филологической концепции славистики В. Ягича, познакомил Якубеца с Мурко. Так же, как Мурко, он ездил в 1889–1890 гг. на стажировку в Россию, где посещал лекции А.Н. Пыпина, А.Н. Веселовского, Н.С. Тихонравова и др. Поливку, благодаря А.Н. Веселовскому, объединял со словенским учёным общий интерес к средневековой развлекательной рыцарской литературе, которая из немецкой языковой среды проникла в славянский контекст в качестве книжек для так наз. народного чтения. Конкретно речь шла, к примеру, о Брунцвике или романе «О Аполлонии, короле Тирском», об осмыслении которого в чешской, польской и русской литературах Поливка сообщил в 1889 году в своём разборе в журнале «Листы филологичке»,⁴ что оценил Мурко в своей рецензии, опубликованной в «*Archivu für*

---

² Сравни монографию: Pražák, A.: *Jan Jakubec*, Praha 1940.

³ Сравни: Mazáčová, S.: *Historie novočeské ediční praxe*, in: Pavel Vašák: *Textologie. Teorie a ediční praxe*, Praha 1993, стр. 161–183.

⁴ Polívka, J.: *Román o Apollonovi králi Tyrském v literatuře české, polské i ruské*, *Listy filologické* 16, 1889, стр. 353–358 и стр. 416–435. Тот же: *Dvě povídky v české literatuře 15. století*, Praha 1889. Тот же: *Kronika o Bruncvíkovi v ruské literatuře*, Praha 1892.

slavische Philologie»⁵ Ягича. Именно работа Мурко «*Die Geschichte von den sieben Weisen bei den Slaven*» (Wien 1890)⁶, ставшая результатом стажировки в России в 1887–1889 гг., аналитическим разбором рукописей, соотносящихся с историей о семи мудрецах, описывала источники, трансформации мотивов и структуры этого рассказа у сербов, болгар, а в особенности его распространённость в центральноевропейском пространстве у чехов и поляков с последующим проникновением в русскую литературу. Тексты как Поливки, так и Мурко, которые критически исходили из теории миграции Веселовского, означали стремление к компаративной теории литературы. Хотя на переднем плане находится изучение бинарных соотношений и идеографических судеб одного мотива в конкретном ряду текстов, т.е. область «*littérature comparée*», в некоторой степени здесь применяется типологическое исследование, по которому внутреннее единство развития национальных литератур исходит из представления о сверхнациональном межлитературном синтезе в виде генеральной литературы. Вдохновлённость современной русской и французской компаративистикой, занимающейся взаимными влияниями западной и восточной европейских словесностей, особенно в работах А. Н. Веселовского «*Из истории литературного общения востока с западом*» (1872), «*Западное влияние в новой русской литературе*» (1883), работе Г. Пари (G. Parise) «*Les context orientaux dans la littérature du moyen âge*» (1875), ведёт к передовому восприятию истории литературы как сложного межлитературного процесса, определяемого не только циркуляцией аналогичных тем и идей, но и преемственностью художественных форм и средств.

Интерес Мурко к чешской литературе, а также его контакты с чешской научной средой проявились и развились уже в нач. 90-ых гг. XIX века в исследованиях о Колларе, но, прежде всего, в его работе «*Deutsche Einflüsse*»⁷, в которой он вступил в дискуссию о влиянии других народов на чешское национальное возрождение. Обширная корреспонденция двух исследователей в 1894–1918 гг., которая

⁵ Murko, M.: *J. Polívka: Der Roman von Appolonius, König von Tyrus in der böhmischen, polnischen und russischen Literatur*; Archiv für slavische Philologie 13, 1891, стр. 308–311.

⁶ Murko, M.: *Die Geschichte von den sieben Weisen bei der Slawen*, Wien 1890, 138 стр.

⁷ Murko, M.: *Deutsche Einflüsse auf die Anfänge der slavischen Romantik I. Die böhmische Romantik*. Mit einem Anhang: Kollár in Jena und beim Wartburgsfest, Graz 1897, XII + 373 стр.

хранится в Национальной университетской библиотеке в Любляне (NUK), – всего 75 библиографических единиц, т.е. писем, почтовых карточек и открыток, отправленных Якубецом Мурко, – документально подтверждает активные связи, которые, кроме корреспонденции, отразились и в многочисленных личных визитах⁸. Беглый просмотр библиографии обоих исследователей⁹ демонстрирует, что более тридцати лет они наблюдали за научным ростом друг друга, писали позитивные рецензии и морально поддерживали друг друга, пытаясь попасть в университеты и для обеспечения материальной базы получить систематическое место доцента или чрезвычайного профессора. О смысле своей научной работы и материальных трудностях Якубец скептически отзывался, напр., в письме от 21.11.1894: *«Впрочем, у нас в наших условиях к такой работе ничто не мотивирует. Человек трудится и мучается над профессиональными исследованиями, а в конце концов, если он придерживается другого мнения или убеждений, чем те, кто принимают решения в Академии, и не хочет отказаться от этих убеждений, то он может свою работу навсегда похоронить в своём письменном столе или же – лучше, – чтобы она не мешала, сжечь её»*¹⁰. Через год, в 1885 году, Якубец и Мурко впервые встретились на Чешско-славянской этнографической выставке, на которой Якубец в качестве поверенного Этнографического общества стал одним из главных организаторов. Успешное проведение выставки Мурко оценил в своей масштабной статье¹¹, а отдельный отгиск отправил Якубецу, который в письме горячо поблагодарил Мурко, написав, что тот без усталости пишет и чи-

⁸ В Национальной университетской библиотеке (NUK) в Любляне хранится всего 75 библиографических единиц, адресованных Я. Якубецом М. Мурко в 1894–1918 гг., картотечные номера: Ms 1119 и Ms 1392. Другая корреспонденция двух исследователей находится в Литературном архиве Мемориала национальной письменности (Památník národního písemnictví) в Праге, в различных фондах (фонд «Славия»/«Slavia», фонд «М. Мурко», фонд «Я. Якубец» и др.).

⁹ Сравни: *Výběrovou bibliografii Matiji Murka* od J. Bečky a A. Zelenkové, in: sb. *Murkova epocha slovanské filologie*, ed. M. Zelenka, Praha 2003, стр. 124–168. Сравни: Pražák, A.: *Jan Jakubec*, Praha 1940 (на стр. 149–171 библиография Я. Я., составленная А. Карасовой).

¹⁰ Я. Якубец в письме М. Мурко от 21.11.1894 (картотечный номер Ms 1119/558, NUK, Любляна).

¹¹ Murko, M.: *Zur Geschichte und Charakteristik der Prages ethnografischen Ausstellung im Jahre 1895*, Mittheilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien 25, 1895, №4, стр. 90–98. Тот же: *Dela o narodopisni razstavi češkoslovanski*, Ljubljanski zvon 16, 1896, №1, стр. 63–64, 1. 1.; №2, стр.

тает лекции об этнографической выставке: «...собственно мы уже немного Вас себе присвоили, не только за Вашу литературную работу, проводимую в пользу нашей литературы, но, особенно, за Ваши убеждения»¹². Корреспонденция, кроме «официальных» дел, касается и частной сферы: информирует о любовных терзаниях адресата и адресанта, об их дружеских отношениях, которые в дальнейшем с обеих сторон продолжились успешной женитьбой. В корреспонденции отмечаются и долготелние усилия Якубеца защитить доцентскую работу на основе работ, напечатанных в коллективном сборнике «*Literatura česká 19. století 1–3*» (1902–1907), и методологические проблемы, возникшие при возникновении истории, написанной на немецком языке – «*Geschichte der čechischen Literatur*» (Лейпциг, 1907; соавтором части о второй половине XIX века стал молодой Арне Новак), в которой описывалась и древнечешская литература, – работы, ставшей основой для знаменитой истории литературы – «*Dějiny literatury české*» (Прага, 1911), позднее распространённой и изданной в двух томах (в 1929 г. и 1934 г.). Мурко реагировал на текст Якубеца восторженной рецензией¹³, об истории он писал как о примере образцового применения филологического позитивистского метода, который внёс в восприятие чешской истории литературы рациональный подход, т.е. последовательное распределение материала при цельной концепции развития, равномерно принимающего во внимание как поток идей, так и монографические портреты. После и Якубец подобным образом отметил также написанную на немецком языке историю «*Geschichte der älteren südslawischen Literaturen*» (Лейпциг, 1908), которая вышла у того же издателя Ц. Ф. Амеланга (C. F. Amelang) в Лейпциге. В письме от 5.11.1908 г. Якубец кратко констатировал: «...я могу как неспециалист только констатировать – это прогресс по сравнению с Вашей последней крупной работой „*Einflüsse*“ как с методологической стороны, так и касательно искусства подачи предмета»¹⁴.

125–127, 1. 2. Тот же: *Národopisna razstava československa v Pragi 1. 1895*, in: *Letopis Matice Slovenské za leto 1896*, стр. 75–137.

¹² Я. Якубец в письме М. Мурко от 16.10.1896 (картотечный номер Ms 1119/558, NUK, Любляна).

¹³ Murko, M.: *J. Jakubec: Geschichte der tschechischen Literatur (1907)*. A. Novák: *Die tschechische Literatur der Gegenwart*. Studien zur vergleichenden Literaturgeschichte 9, 1909, стр. 246–252.

¹⁴ Я. Якубец в письме М. Мурко от 5.11.1908 (картотечный номер Ms 1119/558, NUK, Любляна).

Из всего эпистолярного собрания наиболее ценными с литературно-исторической точки зрения можно считать письма 90-ых гг. XIX в., в которых осмыслиется генезис совместных исследований о Колларе¹⁵, которые отражают издание и последующее осмысление работы Мурко «*Deutsche Einflüsse*»¹⁶. С нач. 90-ых гг. Якубец регулярно вкладывает в письма для Мурко оттиски своих текстов о Колларе, вырезки из журналов и сборников, а также добавляет первое издание поэтических произведений, которые нужны были Мурко для работы. Он рекомендует ему чешскую специализированную литературу и другие источники и подробно высказывается в отношении понимания творчества Коллара своим коллегой. Вместе с Й. Влчком (J. Vlček), начиная с 12-ого листа, Якубец систематически занимается корректурой монографии Мурко «*Deutsche Einflüsse*». Якубец, пославший Мурко свою книгу «*O životě a působení Jana Kollára*»/ «*О жизни и деятельности Яна Коллара*» (1893) и «*Výbor z Kollárových*

¹⁵ Murko, M.: *Kollárova vzájemnost slovanská*, in: Jan Kollár 1793–1852. Sborník statí o životě, působení a literární činnosti pěvce „Slávy dcery”, red. F. Pastrnek, Wien 1893, стр. 201–232. Тот же: *Listy Kollára Kopitarovi a Miklošičovi*, ibidem, стр. 49–53 (докл.: Jakubec J.: Naše doba 1, 1894, стр. 116). Тот же: *Jan Kollár. I. del: Življenje, učenje in delovanje. Mladostna in šolská leta na ogrskem. Kollár v Jeni. Kollár v Pešti 1819–1849. Kollár na Dunaju (1849–1852)*, Letopis Matice Slovenské za leto 1894, стр. 62–137. Тот же: *Jan Kollár. II. del: Njegova dela. Pesniška dela. Spisa o slovanski vzájemnosti. Izdaja narodnih pesni in pridige. Životopisná, potopisna, filologična in arheologična dela*, Letopis Matice Slovenské za leto 1897, стр. 162–224. *Výbor z Kollárových básní. I a II. Úvodem a pozn. opatřil J. Jakubec*, Praha 1893 a 1894, Jakubec, J.: *Vzpomínka na Kollára v Durinkách*, in: Jan Kollár 1793–1852. Sborník statí o životě, působení a literární činnosti pěvce „Slávy dcery”, red. F. Pastrnek, Wien 1893, стр. 88–94. Тот же: *O životě a působení Jana Kollára*, Praha 1893, 47 стр. Ян Якубец в конце XIX-ого века был, по всей вероятности, крупнейшим специалистом в области творчества и биографии Я. Коллара. Подробный обзор его работ, изданий и монографий, посвященных Я. Коллару, сравни: Ormís, J. V.: *Bibliografía Jána Kollára*, Bratislava 1894.

¹⁶ Работа на звание доцента Мурко вызвала в чешском и европейском контексте большой резонанс. Напр., Влчек и Якубец реагировали масштабными рецензиями: Vlček, J.: *Archiv für slavische Philologie* 20, 1898, стр. 417–427. Jakubec, J.: *Listy filologické* 24, 1897, стр. 220–236. Тот же: *Politik* 36, 1897, №40, 9. 2. и № 41, 10. 2. (подписано «J.»). Masaryk, T. G.: *Deutsche Einflüsse und die Wiedergeburt des böhmischen Volkes*, *Die Zeit*, Band XI–XII, 1897, №137, стр. 103–105, 15. 5., №138, стр. 117–119, 22. 5. и №138, стр. 133–135, 29. 5. Масарик, по всей вероятности, является автором рецензии, подписанной «L.». *Rozhledy* 6, 1897, стр. 389–395. Другая рецензия, сравни: *Výběrová bibliografie Matiji Murka* od J. Bečky a A. Zelenkové, in: *Murkova epocha slovanské filologie*, ed. M. Zelenka, Praha 2003, стр.125.

básní»/ «Избранные стихотворения Коллара», 1 и 2 (1893, 1894), в письме от 21.05.1894 г. оценил работу о славянской взаимности Коллара, которой Мурко занимался с 1893 г.: «Я искренне рад, что Вы, такой серьёзный сотрудник, занимались тем же предметом; я могу с уверенностью надеяться, что Вы многое объясните из того, что для меня осталось неизвестно. Я с особенной радостью слышу, что Вы хотите разобрать археологическую и филологическую деятельность Коллара. Я снова утверждаю, как я уже это сделал в печати, что нам не известна особенно психологическая сторона этой деятельности, хотя общее её значение для развития славянской археологии и филологии у Коллара правильно понято. Остаётся, к примеру, объяснить, почему, к примеру, Шафаржик и другие слависты так доверяют Коллару в том, что касается его знания славянской истории»¹⁷.

Аналогичную точку зрения Якубец формулировал и в своей рецензии, опубликованной в журнале «Наше доба»¹⁸: он отметил широкую базу материалов Мурко и фактографическую аналитичность, в целом его компаративный подход, в котором понимание славянской взаимности Коллара описывается как соответствующее эпохе, вненациональное выражение славянской сплочённости как практической, гуманизирующей идеи, служащей для укрепления славянского культурного единства. Якубец рецензировал и первый том монографии Мурко «*Jan Kollár*» (1894)¹⁹, которая биографически описывает жизненную судьбу поэта вплоть до его смерти в 1852 году. В письме Мурко от 21.04.1895 г. он возвращается к своей оценке: «Я хотел быть как можно более объективным... Если бы мне не был подробно известен сам предмет, то я бы не осмелился писать о Вашей работе. Тем не менее кое-что мне до сих пор неясно. Данная работа обозначена как I-ая часть. Что будет содержаться во II-ой? Это будет разбор литературной деятельности Коллара, как я дал понять в «*Политик*»? Влияние на мышление и идеи Коллара в Йене описано; вероятно, II-ая часть будет в большей степени посвящена домашнему, чешскому влиянию»²⁰.

¹⁷ Я. Якубец М. Мурко в письме от 21.05.1894 (картотечн. ном.: Ms 1119/558, NUK, Любляна).

¹⁸ Jakubec, J.: *Naše doba* 1, 1894, стр. 116.

¹⁹ Jakubec, J.: *Politik* 34, 1895, 21. 4. (подписано «J.»).

²⁰ Я. Якубец М. Мурко в письме от 21.04.1896 (картотечн. ном.: Ms 1119/558, NUK, Любляна).

Якубец, упрекнувший Мурко в генетической зависимости от «*Мемуаров*» Коллара, одновременно тактично отмечает взаимную разницу при акцентах на отдельные страницы творчества поэта: «*При описании идейной атмосферы в Йене, я имел в виду уже более позднюю писательскую деятельность Коллара, хотя я об этом нигде явно не заявлял; я занимался в основном теми явлениями и идеями, которые у Коллара мы найдём особенно в стихах. Позднее я хочу провести разбор всех сторон и идей поэзии Коллара таким образом, как я это сделал касательно его политических и социальных взглядов в журнале «Розгледы». Вы, как мне кажется, в более широком смысле обращаете внимание и на другие стороны, которые не имели на Коллара такого значительного влияния. Если я не все Ваши размышления в докладах пойму правильно, то, пожалуйста, скажите мне об этом абсолютно открыто, тогда я внесу изменения в следующем докладе в ж-лах «Час» или «Наше доба»*²¹. В то время как Якубец занимается комплексным образом Коллара и его эпохи, помещённым в монографии, прежде всего, в замкнутый дискурс национальной литературы, исследования Мурко, посвящённые Коллару, направлены на понимание немецких импульсов, воздействовавших на писателей национального возрождения в 20–30-ых гг. XIX века: Коллар, будучи сторонником идей Гердера и поклонником философии Шлегеля, в литературно-историческом плане помещается в рамки, ограниченные немецко-чешским языковым контекстом. Эта разница отражается и на восприятии Якубецом работы Мурко «*Deutsche Einflüsse*», в предисловии к которой он оценил работы Якубца о Колларе как основной источник информации. Ещё при чтении корректуры перед изданием книги Мурко в письме от 24.08.1896 года он восторженно сообщал: «*О Вашей работе я говорю с Влечком и мы придерживаемся единого мнения – это будет превосходная работа. К примеру, мне Вы очень многое рассказали о Колларе, на этом я основывался, считая, что это станет новым открытием, когда я смогу всё опубликовать. При этом меня радует то, что я вижу, что продвигался в правильном направлении. Хотя Вы во многих случаях пришли к тому же мнению иным путём. Конечно, кое в чём наши взгляды будут расходиться; вероятно, в некоторых подробностях я приду к другим результатам*»²².

---

²¹ Ibidem.

²² Я. Якубец М. Мурко в письме от 24.08.1896 (картотечн. ном.: Ms 1119/558, NUK, Любляна).

Позднее Якубец рецензировал и работу *«Deutsche Einflüsse»*, в которой Мурко создал пластичный, композиционно цельный образ поколения Юнгмана, монографически сосредоточенный на крупных явлениях чешской литературы национального возрождения, включая Яна Коллара, который в литературно-историческом плане включён в более широкие рамки, ограниченные немецко-чешским языковым контекстом. Якубец в своей оценке отметил, что автор *«показывает нам оба народа, чехов и немцев, живущих в нашей стране, рядом друг с другом в единодушном литературном сотрудничестве»*²³. Хотя Якубец соглашается с тезисом о романтизирующей композиции *«Дочери славы»* (*«Slávy dcera»*) и романтической связи с язычеством и славянской мифологией, он обращает внимание на чешскую протестантскую духовную основу, которая не была положительно настроена к романтическим тенденциям; далее, он критиковал отсутствие разбора эстетики, который бы, к примеру, показал влияние Байрона на Коллара. Одновременно в корреспонденции он предвидел негативную реакцию националистической журналистики: *«Я вижу, в каком совершенстве Вы владеете своим материалом, как правильно рассматриваете немецкое влияние на нашу литературу... Но я предполагаю, что наши старопатриоты не будут довольны Вашим произведением. Может быть, Вам нужно быть готовым к многочисленным проявлениям недовольства со стороны нашей журналистики. Вы избрали в качестве предмета своей работы факты, перед которыми наши господа журналисты, да и многие писатели, засовывают голову в песок, нахохливаются, когда её нужно вытащить из песка и посмотреть на предмет поближе»*²⁴.

Что касается названия монографии, он, так же как и Влчек, говорил о конкретизации понятия романтика: *«Ваша работа хочет быть, а собственно и является чем-то большим, чем сообщает название (хотя я не знаю его, но Влчек, кажется, говорил, что оно о влиянии немецкой романтики на славянские литературы – пожалуйста, не забудьте упомянуть в предисловии, в каком масштабе Вы определяете немецкую романтику, потому что это, по-моему, литературно не устоявшееся определение, здесь, наверное, это было бы в духе Шерера), являясь обзором чешской поэзии нового времени...»*²⁵. Од-

²³ Jakubec, J.: Listy filologické 24, 1897, стр. 229.

²⁴ Я. Якубец М. Мурко в письме от 20.06.1896 (картотечн. ном. Ms 1892, NUK, Любляна).

²⁵ Ibidem.

новременно Якубец несколько изменил взгляд на то, что национальное возрождение не может быть объяснено только немецким влиянием, которое с межславянской точки зрения часто воздействовало как посреднический импульс и было в национальных литературах выразительно модифицировано специфичными местными условиями: *«С другой стороны, было бы необходимо в целом подчеркнуть в предисловии, что к нам доходило и другое влияние как прямо, так и косвенно. С самого начала, как мне кажется, Вы слишком многое связываете с нашей австрийской средой, хотя её влияние не было сильнее, чем прямо немецкое, из Германии. Хотя, вероятно, это можно отобразить, воспользовавшись иной стилизацией. В целом я всё-таки с вами согласен; думаю, что нам Ваша работа во многом принесёт пользу, уже и в том, что, напр., Вы заявляете о нашем пути сильнее, чем это до сих пор делалось, поскольку мы были в сильной зависимости от немецкой литературы. Нам, чехам, наше общественное мнение этого бы так просто не позволило»*²⁶.

В энциклопедической статье 1901 года, в первом написанном по-чешски научном портрете Мурко, опубликованном в *«Научном словаре»* Отто (*Ottův slovník naučný*), Якубец оценил то, что работа *«Deutsche Einflüsse»* *«была, хотя и не единодушно, принята всем славянством, а также немцами, с необыкновенным вниманием»*.²⁷ Вывод Якубеца относительно точно постигает константные полюса и семантический диапазон специфического исследования работы Мурко в чешской среде: с одной стороны, горячее признание принципиальной попытки компаративного видения чешского романтизма «глазами другого народа», типологически и на основе материалов включающее домашнее национальное возрождение в более широкие европейские связи (с этим связано метафорическое высказывание Влчека, что Мурко использованием сравнительного метода разрушил «китайскую стену» в чешской истории литературы), с другой стороны, – сдержанность по отношению к отличающемуся, глобальному и компаративно направленному взгляду «извне» на феномен, детально разбиравшийся прежде всего чешскими исследователями (Т. Г. Масарик, Й. Влчек, Я. Махал, В. Вондрак, Я. Якубец и др.), которые по праву отмечали забвение домашних (к примеру, относящихся к эпохе Просвещения) источников национального возрожде-

---

²⁶ Ibidem.

²⁷ Jakubec, J.: *Murko Matiaš*, *Ottův slovník naučný*. 17. díl. M.N., Praha 1901, стр. 884.

ния²⁸. В целом, вклад литературно-исторического концепта Мурко, колеблющегося между интерпретационной аналитичностью и синтезирующей абстракцией (современная историография говорит о столкновении модельно-конструкционного и текстово-интерпретационного подходов), состоит в акценте на немецкоязычном контексте чешского литературного процесса.

Корреспонденция Я. Якубеца с М. Мурко показывает наличие широких международных контактов чешских филологов конца XIX-ого века, актуальность общих задач, целью которых была реабилитация истории литературы как самостоятельной науки и освобождение её из-под гнёта национальной мифологии и националистической журналистики. Важность корреспонденции основана на том факте, что письма до 1900 г. показывают обоих исследователей в начале профессиональной карьеры: если время их творческого размаха, включая отражение организационной и созидательной деятельности после 1918 года, стало предметом частого анализа – напр., вклад Мурко в создание славистики межвоенных лет и историографические усилия Якубеца, направленные на создание комплексного и эвристически объективного образа истории национальной литературы²⁹, – то для периода, в который формируется их позитивистский метод, отсутствует достаточная и солидная база источников. По прошествии времени деятельность Мурко и Якубеца скорее производит впечатление всеми уважаемого, но, тем не менее, сегодня уже антикварного монолита; это деятельность, избегавшая экспериментов, а своими корнями уходившая к безопасным основам неагрессивного позитивизма. Тем не менее, применение новых позитивистских методов в литературно-исторической работе, которая сосредоточилась на проблематике новейшей литературы национального возрождения, в конце XIX-ого века положило начало современной литературоведческой историографии (Якубец) и славянской филологии (Мурко).

---

²⁸ Сравни: 17.

²⁹ Сравни: Kudělka, M. – Šimeček, Z. – Šťastný, V. – Večeřka, R.: *Česká slavistika od počátku 60. let 19. století do roku 1918*, Praha 1997. Далее сравни: Grund, A.: *Jan Jakubec*, *Český časopis historický* 42, 1936, №3–4, стр. 645–646 (некролог).

SUMMARY

The works of Matija Murko (1861–1952), the Slovenian Slavonic scholar, and Jan Jakubec (1862–1936), the Czech literary historian, grew in the late 19th century from a strong positivist platform, based on the methodical development of national philologies and employing a comparative approach to literary history. The voluminous correspondence maintained by both scholars between 1894–1918 and archived in the National University Library (NUK), Ljubljana – comprising, in total, 75 bibliographical units addressed by Jakubec to Murko – documents frequent contacts, which, apart from exchanging letters, were also reflected in repeated visits. A fleeting glance at their bibliography reveals that over thirty years they followed each other's scholarly development, positively reviewing their works and morally supporting each other's efforts to settle in university.

The correspondence between J. Jakubec and M. Murko shows how plentiful foreign contacts Czech philologists maintained in the late 19th century, how urgent were the common tasks, which involved the rehabilitation of literary history as an independent field and its liberation from the yoke of national mythology and nationalistic journalism. The letters deserve notice because they provide a wealth of details on the early career of both scholars. Whereas the peak of their creativity, including organisational and constructive activities after 1918, has been frequently analysed, e.g. Murko's share in constituting interwar Slavonic studies and Jakubec's efforts as a historiographer to give a complex and heuristically objective description of the national literary history, there are no solid sources of information about the period when their positivist method was only in the making.

In the course of time, Murko's and Jakubec's works have regrettably gained an impression of a generally esteemed, though obsolete, monolith, which avoids the risk of experiment, being rooted in the safe bedrock of constrained positivism. For all that, through employing new positivist methods in literary history, which was already focused on the issues of modern literature written during the National Revival, they laid foundations in the late 19th century for modern literary historiography (Jakubec) and Slavonic philology (Murko).

РЕЗЮМЕ

Труды словенского слависта Матии Мурко (1861–1952) и чешского историка литературы Яна Якубеца (1862–1936) в конце XIX-ого века базировались на сильной позитивистской платформе, на методическом развитии национальных филологий и применении компаративного подхода к истории литературы. Обширная корреспонденция двух исследователей в 1894–1918 гг., которая хранится в Национальной университетской библиотеке в Любляне (NUK), – всего 75 библиографических единиц, т.е. писем, почтовых карточек и открыток, отправленных Якубецом Мурко, – документально подтверждает активные связи, которые, кроме корреспонденции, отразились и в многочисленных личных визитах. Беглый просмотр библиографии обоих исследователей демонстрирует, что более тридцати лет они наблюдали за научным ростом друг друга, писали позитивные рецензии и морально поддерживали друг друга, пытались попасть

в университеты. Корреспонденция Я. Якубеца с М. Мурко показывает наличие широких международных контактов чешских филологов конца XIX-ого века, актуальность общих задач, целью которых была реабилитация истории литературы как самостоятельной науки и освобождение её из-под гнёта национальной мифологии и националистической журналистики. Важность корреспонденции основана на том факте, что письма до 1900 г. показывают обоих исследователей в начале профессиональной карьеры: если время их творческого размаха, включая отражение организационной и созидательной деятельности после 1918 года, стало предметом частого анализа – напр., вклад Мурко в создание славистики межвоенных лет и историографические усилия Якубеца, направленные на создание комплексного и эвристически объективного образа истории национальной литературы, – то для периода, в который формируется их позитивистский метод, отсутствует достаточная и солидная база источников. По прошествии времени деятельность Мурко и Якубеца скорее производит впечатление всеми уважаемого, но, тем не менее, сегодня уже антикварного монолита; это деятельность, избегавшая экспериментов, а своими корнями уходящая к безопасным основам неагрессивного позитивизма. Тем не менее, применение новых позитивистских методов в литературно-исторической работе, которая сосредоточилась на проблематике новейшей литературы национального возрождения, в конце XIX-ого века положило начало современной литературоведческой историографии (Якубец) и славянской филологии (Мурко).